

МАРИНА ГРЕЙДЖОЙ

АКАДЕМИЯ ДРАКОНОВ

СВЯЗАННЫЕ ДО СМЕРТИ

Марина Грейджой

**Академия драконов.
Связанные до смерти**

«Автор»

2026

Грейджой М.

Академия драконов. Связанные до смерти / М. Грейджой —
«Автор», 2026

Массала рождается только в постели. Одна ночь — и вы связаны навсегда: общая сила, общая боль, общая смерть. Разорвать нельзя: тех, кто пробовал, находят мёртвыми парами — он здесь, она за сто вёрст. Третий год я живу в академии драконьих всадников под фамилией, которую вслух не произносят. Дочь еретика: без пары, без звена, без права на своё имя. Пару здесь назначает приказ — а мне не назначили никого. В Ночь Пепла я вышла к кострам, чтобы хоть раз выбрать самой. К утру с меня сорвали маску, за меня вступился тот, кому я теперь должна, — а на нижней тропе я нашла тело с выжженным следом привязи и того, кто стоял над ним. Он посмотрел на меня один раз и сказал вслух то, что я прятала весь год. Двое. Один даст мне имя, другой — правду. Лечь придётся с одним, и это навсегда.

© Грейджой М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ночь Пепла	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Марина Грейджой

Академия драконов. Связанные до смерти

Глава 1. Ночь Пепла

Я собиралась постоять у ворот и уйти.

Так я себе и сказала, застёгиваясь до горла: «Посмотрю из-под арки, где темно, и вернусь в казарму». Маску взяла у Милы — простую, серую. Половина Хребта была в таких: у ворот их продавали по два медяка, а после полуночи, когда у кого-нибудь обязательно рвалась завязка, — по пять. Торговки эти сидели на камнях с самого утра и мёрзли всю ночь ради двух десятков медяков. Я на них смотрела третий год и каждый год думала, что вот у них-то жизнь простая.

Сейчас восемьсот двенадцатый год от Первой Привязи, сороковой день осени.

Я говорю это на случай, если вы читаете сильно потом. Тогда у вас, наверное, всё уже иначе, и вы не поймёте половины: может, у вас нет драконов вовсе, может, вы летаете на чём-нибудь совсем несуразном, на бочке или на метле, как ведьмы в сказках. И вам будет смешно, что взрослые люди строили империю вокруг того, кто с кем связан.

А мы строили. И про это мне рассказывать легче, чем про то, зачем я в ту ночь пошла на плац.

Ночь Пепла у нас в конце осени, одна на год. Смысл её простой: жечь то, с чем прощайся, и ходить в масках. Спросить человека в маске, кто он, — стыдно; это не закон, за это не наказывают, просто так не делают, как не сморкаются в скатерть. Раз в году весь Хребет ходит и не обязан быть тем, кем записан в бумагах. Мастера пьют с курсантами, дети торговых домов пьют с детьми домов с гербами, и наутро все делают вид, что не помнят.

А назавтра — распределение.

Это когда тебя ставят в звено. Двое всадников, два дракона, и через несколько дней между вами — очень вероятно — кровная привязь.

Связей у нас две, и путать их нельзя.

Первая — нить. Она между всадником и драконом, и её никто не ставит: дракон просто выбирает, и всё, дальше это на жизнь. По нити идёт сила, по нити идёт тепло, и по ней же идёт смерть — в обе стороны. Умер дракон — умер всадник. Умер всадник — умер дракон.

Вторая — привязь. Это уже между людьми, и её ставят руками, в три ступени.

Касание — учебное, на час-два, чтобы двое привыкли попадать в такт. Следа не оставляет, и его же в академии ставят по десять раз в неделю.

Кровь — звено. Порез на ладони, ладонь к ладони, и держится месяцами. После этого ты чувствуешь чужие злость, страх и радость как погоду за стеной — не свою, но и не чужую совсем.

И третья, полная. В бумагах она называется «массала», а в жизни её часто называют просто «полная», потому что полнее уже нечего. Ставится один раз и навсегда, и обратно её не берут. Общая сила, общая боль на любом расстоянии, общая смерть в тот же час.

Империи это нужно не ради красоты. Привязь смыкает две нити в один контур, и каждый из двоих получает силу обоих драконов. Пара сильнее двух одиночек не вдвое — кратно. Поэтому у нас воюют парами, поэтому единица войска — не человек, а пара, поэтому дома торгуют детьми ради привязей, как в других местах торгуют ради браков. И поэтому распределение — это не «вас поставили в один класс». Это «вам называли человека».

Мне его назовут завтра к полудню.

Я не знала, кого. Я знала только, что решать будут четверо мужчин в канцелярии, и что моего мнения там не спросят, и что спорить нельзя. Особенно.. крайне особенно нельзя — мне.

Что во мне особенного, спросите вы?

Говорить об этом больно.. Мой отец, Дан Верна, был мастером привязей. Его казнили прошлой осенью, на двадцатый день, в столице. Меня даже не отпустили с учебы, чтобы попрощаться с ним.

В приговоре написано: торговля драконьими яйцами. Будто бы он возил за перевал кладки из казённого гнездовья. Суд шёл при закрытых дверях, свидетелей объявили, но не показали, и всё кончилось за девять дней.

Я в эту чушь не верю. Не потому, что он был святой, — потому что он был аккуратный. Человек, который двадцать лет вёл записи по привязям с точностью до четверти часа, не повезёт кладку через перевал на телеге с сеном. Но кто-то написал эту бумагу, и её подписали, и по ней его убили.

Еретиком его стали звать уже потом, само собой: мастер привязей плюс закрытые двери, а закрытые двери у нас всегда означают магию. За год слово приросло намертво. Меня на курсе зовут дочерью еретика, и никто в это слово даже не вкладывает злости — просто так короче.

А хуже всего вот что.

Год я на него злилась.

Не за яйца — за нас. У него были жена и две дочери, и он всё это положил на что-то, чего мне не объяснил. Он ведь всегда всё просчитывал. Значит, просчитал и это тоже, и вышло, что мы легче. Я год носила в голове эту арифметику и заодно ненавидела себя за неё, потому что любить его меньше от неё не стала.

Мать с похорон говорит шёпотом. Ная, младшая, пишет мне длинные письма про соседских кур и про то, какое ей сшили платье, — ей шестнадцать, дракон её не выбрал и уже не выберет, и она пока не знает, что это значит. Я знаю.

В итоге наш Дом лишили права держать привязи, имение заложено, а лично мне в канцелярии выдали листок с ограничениями: увольнения, собрания, праздники — по письменному разрешению. То есть в ту ночь весь Хребет мог идти на плац просто так, а я — только с бумагой, которую мне никто бы не подписал, потому что зачем.

Мне нельзя было ошибиться ни разу. Совсем ни разу.

Отчисление — это не «поехать домой». Это поехать в дом, где нет денег и нет права держать привязи, к матери, которая с похорон разговаривает шёпотом. Там я стала бы тем же, чем через год станет моя сестра Ная: единственной ценностью, которую ещё можно продать. Меня выдали бы в привязь — не в брак, в привязь, — за того, кто согласится взять дочь еретика. И это было бы законно, обычно и называлось бы заботой обо мне.

Так что весь этот год я ходила по струнке. Вежливо здоровалась с теми, кто плевал в сторону моего имени. Сдавала в срок. Не отвечала. Спину держала ровно — чем хуже дела, тем ровнее.

Но в ту ночь я вышла из казармы без бумаги.

Мила сидела на своей койке в одной рубашке, босая, и разложила на одеяле четыре маски.

Ей выпал наряд по казарме до полуночи, и она третий день ругалась на это так, будто у неё отняли не праздник, а год жизни.

— Вот эта, — сказала она и приложила к лицу белую, с длинным птичьим клювом. — Ну?

— В такой тебя конюшие в стойлах побьют.

— Зато запомнят. — Она отложила клюв и взяла чёрную, с прорезями углом. — А эта?

— А в этой ты похожа на дознавателя.

— Значит, эта. — Мила подумала и отложила и её. — Нет. В этой со мной никто не заговорит.

Мила.. Она знала, что все пропустит, и все равно примеряла маску.

Я стояла у стены, в куртке поверх свитера и рубахи, и чувствовала, как тянет из щели в раме. Мила сидела ровно на этом сквозняке, босыми ногами на холодном полу, и не замечала ни щели, ни пола, как не замечает никто на этом Хребте, кроме меня.

— Садись, — сказала она наконец и хлопнула ладонью по одеялу. — Заплету. У тебя под маску завязка не ляжет, будет весь вечер съезжать.

Я села. Она распустила мне косу и стала перебирать волосы.

— Так, — сказала Мила. — Как думаешь, кого тебе завтра дадут?

— Мила.

— Что Мила? Ты всё равно об этом думаешь. Давай вслух, вдвоём быстрее.

— На курсе сто двадцать человек, — сказала я. — Шестьдесят звеньев. Вероятность любого конкретного — одна к ста девятнадцати. Но наверняка мне дадут того, кого больше некуда деть. Вот и сказочке конец.

— Или хорошего.

— Или хорошего, — помечтала я.

— А если правда хорошего? — Она дёрнула прядь чуть сильнее. — Ты об этом вообще думала? Не «кого мне дадут», а «а вдруг повезёт».

— У нас дома в списке одни хорошие были, — сказала я. — Всех до единого мне называли хорошими. И отца называли хорошим, пока не случилось.. это.

Мила помолчала, но недолго, долго она не умеет.

— Ладно. Тогда я скажу, кого бы взяла себе. Тавис Крейн. Злой, красивый, на летних два года подряд брал ножевую.

— Он тебе руку сломает на первой же сцепке.

— Пусть ломает. — Она вздохнула с удовольствием. — И ещё Ойре. Хальм. Вот за Ойре я бы пошла хоть завтра.

Я засмеялась. Не над Ойре — просто у меня в голове в ту секунду стояло совсем другое, и смех вышел не туда, и Мила это услышала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.